

© 1993 г. КАЛАКУЦКАЯ Л.П.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ОРФОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ДРУГИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Словари русского языка обладают характерной особенностью — они не включают ономастическую лексику в состав своих словников. Стоит проанализировать, как формировалось это последовательное отчуждение ономастической лексики от апеллятивной внутри алфавитного списка апеллятивной лексики. Разумеется, одновременно действующими оказывались причины самого разного характера. Но немаловажную роль сыграла нерешенность в мировой и русской философии и лингвистике вопроса — обладает ли имя собственное понятием. Неоднократные попытки решения этого сакраментального вопроса напоминали известный средневековый спор — сколько чертей помещается на кончике иглы. Каждый философ имел на него собственный ответ. Нерешенность этого теоретического вопроса привела русских лексикографов к чисто практическому выводу. Обладает или не обладает имя собственное понятием — дело темное; во всяком случае очевидно, что имена собственные — это нечто иное, чем апеллятивы: по этой причине их не следует включать в основные словники словарей. Конечно, подобный вывод делался на подсознательном уровне, но результат его имел очевидный характер. Имена собственные были оставлены на откуп энциклопедиям. А в России (после 1917 г.) лингвистические словари и энциклопедии оказались в разных департаментах (или, если угодно, министерствах), и в каждом из них сложились свои специфические нормы. Естественно, что эти нормы начали конкурировать между собой. Однако в самом языке имена собственные и апеллятивы живут и существуют вместе — в результате решать возникающие спорные вопросы было предоставлено носителям языка по своему усмотрению.

Основным словарем, реализующим орфографическую норму, является Орфографический словарь русского языка. Одновременно он решает и более широкие лингвистические задачи. Это своеобразный словарь словарей. Его орфографическим рекомендациям должны следовать все лингвистические словари, к какому бы жанру они ни относились (толковые, дву- и многоязычные, словари иностранных слов, терминологические, синонимические, антонимические, омонимические, грамматические, словообразовательные, орфоэпические и многие другие). Весьма существенно и то внелингвистическое обстоятельство, что Орфографический словарь по своим тиражам и цене является по существу единственным (или во всяком случае наиболее доступным) словарем для многих русских, а также для всего населения страны, использующего русский в качестве второго языка. Такой его статус безусловно повышает ответственность Словаря за уровень письменной культуры русского языка. Поэтому отсутствие ономастической лексики в Орфографическом словаре особенно значимо. Орфографический словарь в качестве своеобразного орфографического ГОСТа русского языка непосредственно отвечает за оставляемые им не охваченными нормативными рекомендациями языковые факты и целые языковые области и за ту орфографическую неупорядоченность, которая является следствием подобной ненормированности.

Анализ современной практики печати обнаруживает несколько наиболее уязвимых языковых зон — одну из самых очевидных представляют имена соб-

ственные, проблема их орфографии. Не следует думать, что речь идет о тонкостях транскрипции постоянно вновь появляющихся и с таким же постоянством незаметно исчезающих имен собственных. Проблема касается достаточно широко известных и давно вошедших в русский язык имен собственных и пограничных с ними образований, ведь имена собственные перасторжимо связаны с апеллятивами. Оказывается, что мы не знаем, как писать давно известные личные имена, неправильно пишем образованные от имен собственных апеллятивы. Т.е. речь идет не о периферийных областях русского языка, а затронуты его центральные области. Данные вопросы могут и должны быть решены путем включения имен собственных в общий словарь Орфографического словаря, что позволит облегчить задачу пишущих: они смогут получить необходимые сведения из одного нормативно достоверного источника. Но одновременно нахождение имен собственных в одном общем словарном ряду позволит решить проблемы их написания и самим лингвистам, для которых алфавитная (прямая или обратная) форма организации языкового материала, представленная в словарях, по существу является своеобразной лабораторией, позволяющей свойства и особенности слов анализировать, так сказать, *in vitro*. Являясь изгоями, имена собственные оказываются лишенными узаконенной нормированности в основных лингвистических параметрах (орфографическом, акцентологическом, грамматическом и др.).

*

Характерной орфографической особенностью имен собственных является прописная буква. Но в соответствии с идеологическими установками этого отличительного орфографического показателя были лишены все слова, относящиеся к религиозной лексике. Поэтому слова *Бог*, *Богоматерь*, *Библия* и др. были явочным порядком переведены из разряда имен собственных в разряд нарицательных и писались со строчной. При этом игнорировалась сущностная особенность имен собственных — свойство единичности, уникальности. Для слова *Бог* было найдено объяснение — богов много. Однако *Богоматерь*, *Богородица* была одна, был один *Господь*, одна *Библия*, что не помешало их всех начать писать со строчной. Именно в таком написании эти слова вошли во все послереволюционные словари. Таким образом, лингвисты (в данном случае — лингвисты-лексикографы) оказались в плену идеологического мифа.

"Всякая идеологическая система, — писал Ю. Шрейдер, — ставящая идею (теоретическую конструкцию) превыше всего — жизни, нравственности, Бога, — основана на простейших принципах, которые должны воплощаться теми, кто эту систему организует и составляет. Первый состоит в том, что идея определяет, какой должна быть реальность. Второй утверждает первенство того, что должно быть, над тем, что есть и может произойти. Считаться следует лишь с должным, а не с сущим. Это уже ведет к оправданию любых жертв ради идей, уничтожение всего и вся, не соответствующего идеологическим установлениям. ...Названные принципы должны не осознаваться, а выступать в качестве неясной установки, не подлежащей критической рефлексии. Ведь должное важнее того, что есть на самом деле, поэтому должное не следует сопоставлять с реальностью. Принципы идеологической системы исполняются, а не анализируются. По крайней мере до тех пор, пока мы сами остаемся в рамках этой системы" [1, с. 232]¹.

¹ Сохранилось объективное (дневниковое) свидетельство, как выглядело это идеологическое давление в отношении своем начале, в 1924 г. "На нас нахлынуло средневековое — идея социализма и коммунизма приняла форму государственной религии, которая действует совершенно аналогично средневековой власти — вплоть до инквизиции и проч." (см. дневник Б.М. Эйхенбума [2]).

Об этом же времени писала А.Л. Толстая: "Трудно было работать в толстовских музеях в Ясной Поляне, где все было создано в духе учения Христа и веры в Бога, а теперь было окружено атмо-

Конкретным комментарием к фундаментальным выводам Ю. Шрейлера может служить раздел "Прописные буквы" "Правил русской орфографии и пунктуации" 1956 г. Напрасный труд искать в них правила о написании слов *Бог, Богоматерь, Богородица, Господь, Библия* и др. Этих слов нет также и в списке слов, сопровождающих Правила. Раздел Правил "Прописные буквы" включает некоторые параграфы, затрагивающие "идеологические" аспекты написания прописной буквы. Так, в § 103 сказано: "Пишется с прописной буквы первое слово в названиях революционных праздников и знаменательных дат, например. *Первое мая, Международный женский день, Новый год, Девятое января*". Далее следует углубленная проработка действия этого правила: "Если начальное порядковое числительное в таком сложном названии написано цифрой, то с прописной буквы пишется следующее за ним слово, например: *9 Января, 1 Мая*". Кроме того, § 103 Правил сопровождается Примечанием: "Названия религиозных праздников и постов, а также дней недели, месяцев и т.п. пишутся со строчной буквы, например: *рождество, троицын день, святки, масленица, великий пост, курбан-байрам, четверг, сентябрь*". Нет необходимости сопоставлять примеры, приводимые с прописной в основном тексте правила, и примеры, приведенные со строчной в примечании. Обратим лишь внимание на зияющее отсутствие в этом ряду *Пасхи* и на наличие *масленицы*, которая, будучи языческим праздником, и до революции писалась со строчной. Таким образом, примеры Примечания к § 103 были выбраны весьма расчетливо: *четверг* и *сентябрь* никаких сомнений относительно их написания со строчной не вызывали. Для более посвященных была приведена *масленица*, которая и до революции писалась со строчной (как писался *курбан-байрам* — большинству русских, во всяком случае, было не известно). Это окружение как бы оправдывало написание *Рождества* и *Троицына дня* со строчной. *Пасха* (праздник) среди этих примеров отсутствовала, она бы развалила предлагаемую схему. Но через *рождество*, написанное со строчной, по этому Примечанию предлагалось писать *Пасху* и другие христианские праздники и всю религиозную лексику со строчной буквы.

Весьма близок по содержанию текст § 102, который гласит: "В названиях исторических событий, эпох и явлений, а также исторических документов, произведений искусств и иных вещественных памятников с прописной буквы пишется первое слово, а также входящие в их состав имена собственные. Сюда относятся названия, выражаемые: а) одним именем существительным, например: *Октябрь, Возрождение, Ренессанс, Реформация, Домострой*". Обращает внимание прописная у *Октября* как революционного праздника и напрашивается сопоставление *Возрождения* с *рождеством* (в Примечании § 103), вызывает некоторое недоумение написание *Реформации* с прописной (все же имеет отношение к религиозной лексике). В рассматриваемом контексте вполне логично выглядит и текст § 105: "В названиях высших партийных, правительственных, профсоюзных учреждений и организаций Советского Союза пишутся с прописной буквы все слова, входящие в состав названия (разрядка моя. — К.Л.), кроме служебных слов и слова *партия*"... Совершенно очевидно, что раздел Правил "Прописные буквы" подтверждает справедливость вывода

сферой, пропитанной идеологией марксизма, отрицающей божественный дух в мысли и творчестве, в музеях, в школе, в колоссальной пропаганде атеистического материализма, который всеми силами старались внедрить большевики" [3].

Голоса А.Л. Толстой и Б.М. Эйхенбаума — это свидетельства изнутри нашей системы. Но до нас дошел документ, говорящий о сходных процессах воздействия на другой язык в другой тоталитарной системе — в Германии. Сразу после окончания войны вышла книга В. Клемперера "Язык третьего рейха: из записной книжки филолога". Автору ее — немецкому еврею — наблюдение над языком третьего рейха буквально помогло выжить. Для него стремление понять, что же происходит с немецким языком, стало высшей целью его существования: "LTI — Lingua Terti Imperii", так обозначил В. Клемперер объект своего изучения. В дневнике автор характеризует специфические черты немецкого языка периода фашизма — его бедность, отсутствие разницы между письменной и устной речью и даже особую пунктуацию [4].

Ю. Шрейдера: "Названные принципы должны не осознаваться, а выступать в качестве неясной установки, не подлежащей критической рефлексии" [1, с. 232].

Итак, прописная — графический знак, внешним образом демонстрирующий сущностную особенность имен собственных. Лишенные в связи с идеологическими установками этого внешнего показателя имена собственные, разумеется, остались самими собою. Приведем для сравнения такой пример. В титрах кино- и телефильмов в последние годы появилась мода имена и фамилии исполнителей давать без прописной — одними строчными буквами (о том, что именно строчными, однозначно свидетельствуют начертания букв). Но имена и фамилии и в этом случае остаются тем, что они есть в языке и жизни. Из сказанного следуют два вывода: первый — лингвистические словари выборочно включают имена собственные; второй — лингвистические словари дают эти имена собственные в неправильном написании, со строчной.

После 1985 г. словам, относящимся к религиозной лексике, было возвращено их исконное написание, соответствующее их языковой сущности, во всей периодической печати. (Этот процесс сопоставим с возвращением исторических названий: *Калинин* опять стал *Тверью*, *Горький* — *Нижним Новгородом*, *Ленинград* — *Санкт-Петербургом*, *Свердловск* — *Екатеринбургом*, *Площадь Дзержинского* в Москве — *Лубянской площадью*, *Проспект Маркса* — *Охотным рядом*.) Однако этот закономерный процесс практически не затронул лингвистических словарей — имеются в виду словари, вышедшие после 1985 г., — "Словарь русского языка" С.И. Ожегова, 23-е изд., испр. (1990); два первых тома 20-томного Словаря современного русского литературного языка (1991); Орфоэпический словарь русского языка, 5-е изд., испр. и доп. (1989) и Орфографический словарь русского языка, 29-е изд., испр. и доп. (1991). Таким образом, лингвистические словари продолжают следовать дискриминационному орфографическому указу (или орфографической цензуре), искажающему языковую сущность слов, относящихся к религиозной лексике.

Подобная позиция авторов и составителей словарей, и прежде всего Орфографического, основной задачей которого является определение орфографической нормы для современной практики печати, скорее всего объясняется привычкой не включать в словник имена собственные и непониманием того, что они там все-таки находятся. Своего рода круговая оборона лингвистических словарей, авторы которых не считают нужным учитывать изменений, происходящих в общественной жизни, в духовной сфере и как следствие их — в современной практике печати, создает непрогнозируемую лингвopsихологическую ситуацию. Становится очевидным, что современная практика печати, не находя в лингвистических словарях ответа на интересующие ее злободневные вопросы, перестает ориентироваться на них, а конкретные носители языка, не доверяя рекомендациям современных словарей, ищут ответы на свои вопросы исключительно в Словаре В.И. Даля и даже Даля "дореволюционного издания". Например, авторы статьи "Не сотвори себе кумира" И. Гамаюнов и Н. Гамаюнова для истолкования слова "кумир" обращаются к Словарю В.И. Даля: «какое интересное превращение: идол, истукан, болван (так объясняет В.И. Даль слово "кумир")» [5]. Депутаты разных уровней и журналисты, представленные на телевизионных экранах, на радио или выступающие в газетах и журналах, слова *свобода*, *коммерция*, *рынок*, *спекуляция* трактуют исключительно по словарю В.И. Даля: "Страна на пути к рыночной экономике. И вот глава правительства Н.И. Рыжков объявляет войну спекулянтам. А знают ли члены нынешнего кабинета, кто такой спекулянт? Загляните в словарь Даля дореволюционного выпуска. Там сказано, что спекулянт — это предприниматель, деловой человек, коммерсант. За рубежом — бизнесмен" [6] и др.

В имеющей место психологической ситуации любопытный феномен представляет собою современная практика печати: газеты, журналы, книги, вышедшие после 1985 г., с поразительным единодушием без какого-либо известного

нормативного законодательного акта (хотя по некоторым данным издательства руководствуются указаниями некоей инструкции), впрочем, как не было и законодательного акта писать их со строчной, прекратили действие жесточайшей орфографической цензуры в отношении слов *Бог, Господь, Богородица, Богоматерь, Библия, Ветхий Завет, Новый Завет* и др., существовавшей более семидесяти лет, и восстановили их исконное написание². Приведем только один пример: "Даже человек неверующий скажет сегодня, что *Господь* обратил свой благосклонный взор на Россию. Ибо рациональными соображениями не объяснишь, отчего провалилась дьявольская интрига путча. Остается списать бесславный конец путча на мягкосердечность советских генералов и партийных заговорщиков. Но это кажется абсурдным. Поэтому я и говорю, что *Господь* спас Россию" (Л. Ионин, И новый Октябрь позади... Новое время, 1991, №36). Между тем все словари, включая Орфографический, продолжают писать слово *Господь* со строчной.

В сложившейся ситуации у словарей и лексикографов нет иного выхода, как включить, с привычным для нашей жизни опозданием, имена собственные в общий словник, дать их, так сказать, открытым текстом. И прежде всего это должен сделать Орфографический словарь, поскольку он определяет орфографическую норму и именно он должен создать прецедент для других лингвистических словарей. Приходится признать, что в последнем 29-м испр. и доп. издании Орфографического словаря, вышедшем в 1991 г., слова *Бог, Вседержитель, Всевышний, Господь, Богочеловек, Мессия, Богоматерь, Богородица, Библия, Евангелие, Пасха* (праздн.), *Рождество, Сретение* и некот. др. приведены в орфографически ошибочном написании. Следует дать в Орфографическом словаре и отсутствующее в нем имя *Христос*. В Орфографическом словаре это имя наличествует: «*христос, христа*, мн. неуп. $\diamond$ *братья и сестры во Христе*. Обычно в качестве имени собственного с "Х" прописным». В этой словарной статье авторская позиция представлена с подкупающей откровенностью: привести слово следует, но с прописной даже для этого абсолютно очевидного случая в лингвистическом словаре по не писаному, но последовательно соблюдаемому принципу оно дано быть не может. Однако избранный способ подачи поражал даже и в застойные годы. Некорректной представляется и грамматическая пометка "множественное неупотребительно".

Представляет интерес, что имя *Христа* было включено в 22-е и 23-е издания Словаря С.И. Ожегова (1990). В 16-м же издании этого словаря (1984) оно отсутствовало. Имя *Христос* дается с пометой "с прописной буквы" в Малом толковом словаре (2-е изд., 1984), и, наконец, *Христос* с пометой "Х" прописное давалось в Словаре Д.Н. Ушакова. Этот том вышел в 1940 г. Ни в одном из указанных словарей не дается форма, используемая в Орфографическом словаре, "мн. неуп.". Но если уж Орфографическому словарю важно было подчеркнуть уникальность, единственность *Христа*, то в этом случае могла быть использована помета, применяемая в Словаре Д.Н. Ушакова для других слов, таких, как *Пасха, Рождество* и некот. под. — "только единственное". Существенно, в каком написании дается имя *Христа* в устойчивых (фразеологических) оборотах. У Ушакова — с прописной: большинство оборотов и примеров дается с именем *Христа* в начале предложения (возможно, это было сделано сознательно), например: "*Христос с ними, пускай конкурируют!*" (Салтыков-Щедрин), но в одном случае оборот приводится внутри предложения и с прописной: "*Прости ты меня, Христа ради*". Этот пример позволяет судить, что и в устойчивых оборотах в Словаре Д.Н. Ушакова сохраняется прописная у этого имени. В 4-томном толковом словаре русского языка, 2-е изд. во всех фразеологических оборотах имя *Христа* также дается с прописной со ссылкой на источ-

² Ср. свидетельство Ю. Карякина "И гласность имеется, и демократия наклеивается, и церковь, наконец, отделяют от государства, и Бога все научились писать с заглавной буквы..." [7]

ники, например: "Дай, брат, *Христа ради*!" (М. Горький, В степи); Спасибо, Константин Палыч, за чай, за сахар, извините, *Христа ради* (А.Н. Толстой, Деревенский вечер); *Вот тебе (те) Христос* — ... говорят, прямо в глаза ему смотрит... *вот-те Христос*, так и смотрит? (Тургенев, Чертопханов и Недошюскин)" и др. В Словаре же С.И. Ожегова во всех этих фразеологических оборотах имя *Христа* дается со строчной буквы, что проясняет идеологическую установку, но противоречит как традиции (достаточно сравнить со Словарем В.И. Даля), так и современной практике печати. Установка писать имя *Христа* по возможности со строчной с особой наглядностью проявляется в другой словарной статье этого словаря: "*исус*, -а, м.: *потянуть к исусу* кого, что (прост.) — потребовать к ответу". Стоило ли ради этой неизвестной фразы приводить имя *Иисуса* в написании со строчной в словаре, включающем лишь наиболее употребительную лексику? И из чего было выведено, что в данном контексте имя *Иисуса* (*Исуса*) следует писать со строчной? Показательно, что этого слова нет в других словарях.

Вернемся к Орфоэпическому словарю. Самостоятельной словарной статьей в нем дается прилагательное *христов*: *христов день*, *христова невеста*; *именем христовым* — все даны со строчной. При этом Орфоэпический словарь не одинок. В Сводном словаре русской лексики [8] прилагательное *христов* дается в написании только со строчной по источникам: Словарь Ушакова; 4-томный, 1-е изд.; 17-томный; Орфографический; 4-томный, 2-е изд.

Однако если обратиться даже к действующим Правилам орфографии 1956 г., то в соответствии с ними написание *христов* со строчной противоречит § 99 этих Правил: «Пишутся с прописной буквы прилагательные, образованные от индивидуальных названий людей, мифологических существ и т.п. а) если они являются в полном смысле слова притяжательными (т.е. выражают принадлежность чего-либо данному человеку, мифологическому существу) и содержат в своем составе суффикс -ов(-ев) или -ин (без последующего суффикса -ск-), например: *Марксов "Капитал"*, *Далев словарь*, *Зевсов гнев*, *Лизина работа*». И поскольку в § 96 Правил приводится имя Христа в ряду имен, пишущихся с прописной, — *Христос*, *Будда*, *Зевс*, *Венера*, *Вотан*, *Перун*, *Молох*, — то и прилагательное *Христов* должно писаться с прописной, наряду с *Зевсовым гневом*, *Марксовым "Капиталом"* и *Далевым словарем*, тем более, что в сочетаниях *Христово имя*, *Христово слово*, *Христов лик*, *Христов образ*, *Христова заповедь* и др. под. притяжательность наличествует. Таким образом, "все врут календари", а все словари узаконивают орфографически ошибочное написание *христов* со строчной буквы, противоречащее действующим Правилам орфографии.

Справедливости ради следует сказать, что в практике печати прилагательные от имени Христа — *Христов*, *Христова*, *Христово* — даже и в застойные годы писались с прописной, игнорируя единодушные рекомендации всех лингвистических словарей. Например, "Повести и рассказы" П.И. Мельникова (Андрея Печерского) (М., 1985): *имя Христово* (с. 268, 275), *кровь Христова* (с. 270 — 2 раза), на страшном *Христовом судилище* (с. 295) и т.п.; сб. "Марьяна рошча" (М., 1984): "Убежденный с некоторого уже времени в истине веры *Христовой*, и он наконец всенародно принял ее..." (В.К. Кюхельбекер, Адо, с. 92); "Александрия была тогда *поклонница Христова...*; *воином Христовым*; *царство Христово*, *Слово Христово*; *служитель Христов* (А.И. Герцен, Легенда, с. 278, 285, 286, 290) и т.п.

Имя Христа, приведенное или отсутствующее в словарях, хорошо вводит в проблему нормы, орфографической нормы, грамматических помет применительно к именам собственным. В Орфографическом словаре нет ни *Христа*, ни *Иисуса* (*Исуса*), но дается *христосик*. Комментарии, как говорится, излишни.

Ранее было сказано, что используемая в Орфоэпическом словаре грамматическая помета "множественное неупотребительно" при имени Христа выглядит

некорректной. Она же сопровождает в Орфоэпическом словаре и словарную лексику "господь, господа, мн. неуп.". Как уже отмечалось, из имеющихся помет более уместной представляется помета, используемая в Словаре Д.Н. Ушакова для слов *Пасха, Рождество* и некот. др. — "только единственное". В такой же мере некорректной представляется грамматическая помета "междометие", сопровождающая обращения *господи* и *боже* в Орфоэпическом и других современных словарях (в Орфографическом приводится только *господи* с пометой "неизм."). В Словаре Д.Н. Ушакова эти обращения определяются как звательная форма, что выглядит гораздо более соответствующим сути явления.

Следует признать, что периоду более чем семидесятилетнего внедрения атеистического сознания вполне соответствовали пометы "множественное неупотребительно" по отношению к имени *Христа*, превращение *Господи* и *Боже* в междометия и даже стремление писать имя *Христа* и *Иисуса (Исуса)* со строчной. В такой же мере отвечающей идеологическим требованиям времени является формулировка § 96 Правил 1956 г.: "Пишутся с прописной буквы индивидуальные названия, относящиеся к области религии и мифологии, например: *Христос, Будда, Зевс, Венера, Водан, Перун, Молох*. Примечание. Индивидуальные названия мифологических существ, превратившиеся в имена нарицательные, пишутся со строчной буквы, например, *молох империализма*". А § 102, в котором говорится о том, что *Октябрь, Возрождение, Ренессанс, Реформация, Домострой* пишутся с прописной, далее имеет продолжение (но не Примечание): "те же слова могут употребляться в качестве имен нарицательных, и тогда они пишутся со строчной буквы, например: в XVI в. *реформация* коснулась различных сторон культуры Германии (почему здесь *Реформация* рассматривается в качестве нарицательного? — К.Л.), *стиль ренессанс...*".

Подобные правила и служили основанием для написания *Бога, Богоматери, Богородицы, Мессии* и даже *Иисуса Христа* и *Господа* со строчной в практике печати и всех словарях.

Для сравнения покажем, как слово *Бог* давалось, например, в "Этимологическом словаре русского языка" А. Преображенского (М., 1910—1914): "*Бог, Р. Бога, З. Боже! ей-Богу; с малой буквы бог языческий*".

"Любовь и голод правили миром за вычетом одной шестой части суши... Здесь был язык с русскими глаголами и существительными, но исключительно советской семантикой", — пишет А. Кабаков [9]. Этой "советской семантике" соответствовала и орфография, и грамматические пометы в словарях. Будучи убежденными, что в словарях они имеют дело исключительно с апеллятивной лексикой, лексикографы привыкли оперировать рядами, классами однотипных слов, чем и определялось стремление слова внутри этих классов уподоблять, унифицировать. Ономастика, напротив, требует индивидуального, интуитивного подхода во всех языковых параметрах — орфографии, акцентологии, орфоэпии (ср. произнесение [y] в словах *Бог, Господи*), словообразовании, словоизменении.

Семидесятилетнему периоду атеистического сознания вполне соответствовало написание со строчной буквы слов, относящихся к религиозной лексике, и грамматическая характеристика восклицаний *Господи!* и *Боже!* как междометий³. Но жизнь непредсказуема, и в такой же мере непредсказуем и язык. И как возвращена была прописная словам религиозной лексики в практике печати (включая и такие издания, как газета "Правда"), в такой же мере уходит "междометность" из обращений *Господи!* и *Боже!* и восстанавливается свойственная им исконная звательная форма: "А в Страстную Субботу, в мирный солнечный день... с наслаждением ворожаю завалы хвороста, натащенного наводнением. Как Ты, мудро и сильно ведешь меня, *Господи!*"; "О, дай мне, *Господи*, не

³ Ср. свидетельство Ю. Карякина: "Понимаете, мы изначально были страшно отравлены и, как я понимаю сейчас, больше всего — воинствующим атеизмом" [7].

переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!" (А. Солженицын, Бодался теленок с дубом, Новый мир, 1991, № 7, с. 92 и № 8, с. 57).

В контексте изложенного выше отношения к религиозной лексике становится понятным отсутствие в Орфоэпическом словаре прилагательного *господень*, *-дня*, *-дне* (*храм Господень*, *воля Господня*, *слово Господне*). В Орфографическом словаре всех изданий, начиная с издания 1956 г., это прилагательное было дано в краткой форме. Налицествует оно (также в краткой форме) и в Словаре ударений для работников радио и телевидения (М., 1984). В последнем издании Орфографического словаря (1991) краткая форма была включена во впервые введенную полную форму: *господний*; кр. ф. *господень*, *-дня*, *-дне*. Полная форма прилагательного была введена вслед за последними изданиями (1990) Словаря С.И. Ожегова. В издании этого Словаря 1984 г. прилагательное *господний* внутри словарной статьи *господь* отсутствовало. В Орфоэпическом словаре по своим языковым параметрам (прежде всего — произносительным) и полная и краткая формы *Господний*; *Господен*, *-дня*, *-дне* должны были бы присутствовать.

Лингвисты несут свою долю вины за разрушение культурных традиций и культурных представлений народа, воплощавшихся в сфере религиозной лексики⁴. Приведем в качестве примера "избранные места" из статьи кинорежиссера В. Мотыля "Что стало бы с нами, не обладай Горбачев мастерством компромисса?": «Он явился к нам в 85-м в затхлом безвременье ослепительным мессией. В миллионах отчаявшихся он зажег Веру в освобождение. Пушкин знал о намерениях "левых" покуситься на жизнь Государя. Но пострадавший от царя поэт встал выше личных обид перед Истиной, перед Богом» (Изв. 1991, 9 сент.). В этом небольшом отрывке с прописной даются *Бог*, *Государь*, *Вера*, *Истина*. А *Мессия* — со строчной. Впрочем, написание *Мессии* со строчной соответствует лексикографической практике. Все советские словари, а также "Правила" 1956 г. — в списке слов — приводят *Мессию* в написании со строчной буквы. Но также они пишут и *Бога*, и *Богоматерь*, и *Библию*, и *Рождество*, и *Пасху* и мн. др. В данном конкретном случае удивляет, что автор и газета "Известия" привели это слово со строчной, когда *Государя* и другие слова дали с прописной. Ведь *Государя* все лексикографические издания приводят также со строчной, как и *Мессию*. "*Мессия*, — говорится в Словаре В.И. Даля, — Помазанник; обещанный Ветхим Заветом Искупитель, которого верующие дождалась во Христе, а евреи еще ждут". Имя собственное представлено в слове *Мессия* во всей своей полноте. Это одно из наименований *Христа* — *Богочеловек*, *Сын Божий*, *Искупитель* и *Мессия*. И потому так странно видеть его написанным со строчной. Впрочем, в той же газете "Известия" некоторое время назад *Мессия* был написан не только со строчной, но и отнесен к женскому роду.

Мессия с прописной буквы давался в "Этимологическом словаре русского языка" А. Преображенского (М., 1910—1914): "*Мессия*, Р. *Мессии*, из исл., говорится об Иисусе Христе, но так же об ожидаемом евреями царе-освободителе". *Мессия* с прописной приводится в энциклопедическом словаре "Мифы народов мира". В специальной обширной статье, посвященной *Мессии*, между *Мессией* и *Иисусом Христом* ставится знак равенства: *М. = Иисус Христос* (т. II, М., 1982, с. 140—143). И даже если исходить из того, что в иудаизме и христианстве образ *Мессии* трактуется по-разному, то это не может служить препятствием к тому, чтобы *Мессию* осознавать уникальным явлением и понимать как имя собственное: существование нескольких Наполеонов не мешает каждому из них писать с прописной буквы.

⁴ "... Идеологический диктат не сводится к воздействию извне, он нередко бывает внутренним, когда поведение человека подчиняется усвоенным им идеологическим установкам". — пишут А. Похмелкин и В. Похмелкин [10]

В современной практике печати *Мессия* чаще встречается в написании с прописной, например: "С таким же успехом люди могли бы попытаться ускорить приход *Мессии* при помощи увеличения производительности труда" (из интервью Ф. Искандера "Независимой газете", 1992, 4 янв.); "Явился наш *Мессия* / Простой малыш, как все, / Упрятала Мария / Его в хлеву в овсе". (О. Григорьев, Рождественская песенка, Огонек. 1992, № 1, с. 32) и др.

Весьма показателен следующий пример. В еженедельнике "Семь дней" (1992, № 17) на обложке номера было напечатано: "«Какое время на дворе, таков *Мессия*», — писал Андрей Вознесенский. Правда, почти двадцать лет назад". Интересно, что во всех сборниках А. Вознесенского и в собрании его сочинений *Мессия*, в этом стихотворении, посвященном Вл. Высоцкому, написан со строчной.

Откровенно связанная с идеологией замена прописной на строчную в группе религиозной лексики безусловно имела своей целью принизить статус этой лексики, перевести из ряда явлений единичных и единственных в категорию слов обычных, нарицательных, приравнять ко всем, сделать как все. Эта акция была соответственно понята и воспринята носителями языка. Однако непредсказуемым образом она, как шлейф кометы, зацепила собой и другие языковые сферы. Из нейтрального графического знака прописная в некоторых своих употреблениях приобрела идеологический смысл: *Бог, Господь, Богоматерь* начинают неукоснительно писаться со строчной, а *партия, съезд, секретарь партии, пленум* и т.п. — с прописной. Отсюда в сознании носителей языка был сделан следующий шаг — к представлению об "уничжительной функции" строчной буквы, например, у имен собственных, называвших фамилии лиц, деятельность которых расценивалась как резко отрицательная: *гитлеры, цудушки-троцкие, берии, ежовы, ягоды* и др. устойчиво пишутся со строчной. В разные исторические периоды набор этих имен разный, но "уничжительная функция" строчной сохраняется. Обычно строчная в этих случаях идет "в комплексе" с множественным числом. Однако множественное число, хотя и встречается в именах собственных неизмеримо реже, чем единственное, но все же не может быть полностью исключено для некоторых групп собственных имен. Могут быть рассмотрены такие совершенно естественные примеры, как: Половина жителей этой деревни *Смирновы*, а другая половина — *Головины*. Или: Всех *Родионовых*, находящихся в аэропорту, просят обратиться к администратору. Ср. также: "Собранные под одной обложкой *Ленины* воспринимаются феноменом не культурного, а естественного происхождения — памятники казались особым видом флоры... Собрать *всех Лениных* в особый культурный парк. Остраненные, то есть возвращенные из небытия, *Дзержинские, Свердловы, Ленины* занимают места на теперь уже незримом, материально не так воплощенном коммунистическом Олимпе, чтобы оттуда осенять своих гонителей". (А. Генис, На обломках самовластья, Независимая газ., 1991, 24 сент.); «Представляю: Тихон (из "Бесов") в *Мараты* подался...» (Ю. Карякин, "Закружились бесы разны...", Лит. газ., 1992, 11 марта). Поэтому сохраняя специфические свойства имен собственных, не следует лишать прописной и фамилии лиц с подчеркнуто негативной окраской (тем более, что с течением времени она может меняться на прямо противоположную). Примеров подобного рода множество, приведем для сравнения лишь два: «А *чикины, юрковы, лысенки, гусевы* — ответят ли они за помощь заговорщикам? Эти начальники от журналистики столько лет морочили людям головы со страниц "Советской России", "Рабочей трибуны", "Труда", "Известий", "Московской правды", "Ленинского знамени"» (Куранты, 1991, 24 авг.). Другой пример: "Так что заставило Нестеренко пойти с доносом на своего учителя, давшего ему сценическую жизнь, или Образцову — против меня?.. А впрочем, *все эти Нестеренки, Образцовы, Атлантовы* и еще с ними *прочие Мазурики* — типичные воспитанники советской власти, и коммунистическая идеология с малолетства великодушно освободила их от

опасной химеры совести" (Г. Вишневская, Галина. История жизни. М., 1991, с. 502). Прописная в подобных случаях более лингвистически оправдана и потому выглядит естественнее. Ее следовало бы писать и в случаях — *Гитлеры, Троцкие, Берии, Сталины* и т.п. Воспользуемся образом, к которому прибегнул М.А. Булгаков в черновиках к письму И.В. Сталину. В них он называл себя "единственным литературным волком". "Мне советовали выкрасить шкуру, — писал Булгаков. — Нелепый совет. Крашеный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на пуделя" (см. [11]). Так и имена собственные. Написанные с прописной или со строчной, они своей сущности не меняют. *Мессия* остается *Мессией*, а *Гитлер* — *Гитлером*.

Следует сделать существенный вывод. Любое идеологическое воздействие на язык, в том числе на его орфографию, а лингвисты в большинстве своем склонны считать орфографию всего лишь "внешним костюмом языка", непредсказуемым образом сказывается на сферах языка, которым оно не было адресовано. Вряд ли удастся переломить представление об "уничжительной функции" строчной буквы по отношению к именам собственным, неосознанно сложившееся в головах людей. Не менее существенно, что в душах людей неуважение к имени оказывается связанным с неуважением к человеку как таковому.

Итак, словари в современной переломной общественной ситуации не могут сохранять прежнюю ригористическую позицию по отношению к собственным именам. Но особенно важно, чтобы эта позиция была изменена в Орфографическом словаре.

*

Однако при осуществлении данного намерения необходимо учитывать наличие весьма серьезного препятствия — существования прочной традиции набирать заглавные слова в словарях одним шрифтом, нивелирующим реальное написание слов со строчной или прописной буквы. Можно предположить, что подача заглавных слов без прописных определялась чисто эстетическими соображениями. Они же действовали и внутри словарной статьи: например, в Словаре Академии российской (СПб., 1789—1794, ч. 1—6) заглавное слово набрано более крупным, чем текст, прямым шрифтом; включенные в статью части словарного гнезда набраны курсивом с прописной буквы (опять нивелируется реальное написание слова со строчной или прописной). Таким образом, в Словаре на первый план ставится построение словарной статьи и выделение ее частей. Подобный графический подход был безусловно нагляден с точки зрения выделения самого заглавного слова и относимых к этому слову других слов гнезда, но он полностью игнорировал орфографическую характеристику слова, касающуюся написания его начальной буквы со строчной или прописной. В какой-то степени подобный подход отражал отношение к данному разделу орфографии.

В более позднее время (приблизительно через сто лет) академик Я.К. Грот писал в своем гимназическом учебнике "Русское правописание (Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук)" (1-е изд., 1885; 13-е изд., 1898): "Большие буквы составляют, собственно говоря, роскошь письма. В древности они ставились только в начале рукописи, позднее и в начале отделов текста, если он состоял из нескольких статей. Более употреблялись стали они в средние века, и мало-помалу мудрствующие писцы довели это употребление до излишества. В наше время везде замечается стремление ограничить насколько можно пестроту письма, происходящую от больших букв... Правилам об употреблении больших букв не следует придавать слишком большого значения, тем более, что невозможно дать точных указаний на все встречающиеся случаи" (с. 87—88).

Сравнительно небольшой этот раздел правил (4 с.) обладал значительным достоинством — он опирался на естественно сложившуюся норму письма об-

разованных людей. В соответствии с рекомендациями Грота с большой буквы пишутся:

"4. Имена трех лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан: *Бог, Господь, Творец, Всевышний, Спаситель, Богородица, Святой Дух, Св. Троица* и т.п.

5. Титла царствующего в России Дома: *Государь Император, Наследник Цесаревич, Их Императорские Величества*" (с. 88).

Невыраженность в русских словарях строчной или прописной толкуемого слова не имела особого значения для практики письма: писали образованные люди в соответствии с естественно сложившейся традицией.

Ситуация кардинальным образом изменилась после 1917 г. Вместе с выброшенными из шрифтовых ящиков "лишними" буквами изменились и идеологические установки. Свидетельством того обстоятельства, что орфографии отводилось особое место в идеологической структуре нового общества, может служить достаточно известный в наши дни факт: "главным аргументом вины" для последующего четырехлетнего соловецкого заключения Д.С. Лихачева (с 1928 по 1932 гг.) послужил изъятый при обыске у него на квартире и даже не прочитанный им "шуточный доклад о преимуществах старой орфографии, писанный двадцатипятилетним филологом в подражание старообрядческим сочинениям XVII века" [12].

Изменилась вся орфографическая ситуация. Произошли перемены в социальном составе пишущих. Резко изменилось их число. Изменились идеологические установки. "Имена трех лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан", равно и "титла царствующего в России Дома" стали писаться со строчной, вытесненные прописной буквой "в названиях высших партийных, правительственных, профсоюзных учреждений Советского Союза: *Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи, Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов*" (Правила 1956 г., § 105, с. 59—60).

В этой измененной орфографической ситуации словари продолжали графически не различать прописную или строчную включенных в них слов. Однако это неразграничение в словарях XX столетия оказалось работающим в духе новых идеологических установок: слова *Бог, Господь, Всевышний* и др., представленные в словарях с орфографически не маркированной начальной буквой, стали всюду писаться со строчной. В поддержку ей практически все словари получили готовый блок первого значения слова *Бог*. В Словаре Ушакова (Т. I, 1935) он выглядел следующим образом: "По религиозным верованиям — верховное существо, стоящее будто бы над миром или управляющее им". Позднее в 4-томном словаре (М., 1981) этот текст был несколько отредактирован: "По религиозному представлению: верховное существо, сотворившее мир и управляющее им, или (при многобожии) одно из таких существ" и с незначительными вариациями повторялся во всех словарях. Самое удивительное, что и исторические словари использовали тот же семантический блок. Словарь русского языка XI—XVII вв. (М., 1975): "По религиозным представлениям — верховное существо, правящее миром, или одно из таких существ (в политеистических религиях)". В Словаре русского языка XVIII века (Л., 1985): "По религиозным представлениям и в идеалистической философии — верховное существо, высшая сила, сотворившая мир и управляющая им" (во всех примерах у слова *Бог* сохранена прописная). В Словаре языка Пушкина (М., 1956): "По религиозным представлениям, высшее существо, являющееся творцом вселенной".

Таким образом, было упорядочено как толкование семантики слова *Бог* в словарях разных веков, так и его написание, что вполне логично, — унификация семантики требовала адекватного себе орфографического оформления.

После 1985 г. в практике печати религиозной лексики была возвращена про-

писная буква. Но не в словарях. Словари на фоне современной печати выглядят несколько анахронично, включая и самые последние их издания, например, 20-томное Словаря современного русского языка.

*

Традиция не различать прописные или строчные включаемых слов распространялась и на русские энциклопедии. Так, например, все слова в Новом энциклопедическом словаре ("Издательское дело, бывшее Брокгауз—Ефрон", Петроград, б.г., т. XXIV) набраны прямым, более крупным, чем основной текст, жирным шрифтом, и каждое слово дается с прописной. Данный энциклопедический словарь включает преимущественно имена собственные. Аппеллятивы, представленные в нем (на поверхностный взгляд) не более 1—2% от общего числа включенных слов, также даются с прописной: например, *Левкой* (однолетние или многолетние травы), *Левулиновая кислота* (γ-кетокислота), *Левулан* (один из сахароколлоидов), *Лёв* (монетная единица в Болгарии), *Лифт* (см. Подъемные машины) и т.п. Однако поскольку имен собственных в данной энциклопедии значительное большинство, подача с прописной соответствует большинству включенных имен собственных.

Энциклопедии советского времени сохраняют традицию графического неразграничения имен собственных и аппеллятивов в своем словнике: включенные слова набраны в них более крупным жирным (или полужирным) шрифтом одного ранга (без первой прописной буквы). Кроме того, внутри словарной статьи энциклопедии (например, в Советском энциклопедическом словаре — СЭС, М., 1980) сохраняется последовательное неразграничение имени собственного и аппеллятива. Толкуемое слово представлено первой буквой — прописной с точкой: например, *годограф*. Примеры: *Г. скорости* или *Г. ускорения*; *голгофа*, холм в окрестностях Иерусалима, на котором, по христ. преданию, был распят Иисус Христос. Слово «Г.» употребляется как синоним мученичества и страданий («взойти на Г.»). Такой же графический способ подачи включаемых слов проводится и в энциклопедии "Мифы народов мира" (М., 1980). Способ графического неразграничения имен собственных и аппеллятивов, сохраняемый советскими энциклопедиями, ставит перед пишущими орфографические вопросы, на которые в современных лексикографических изданиях или нет ответов, или они противоречивы. Как, например, следует писать слово *Голгофа*? С какой буквы его писать при значении "холм в окрестностях Иерусалима", с какой — при значении "синоним мученичества" (СЭС)? Если попытаться ответить на эти вопросы, обратившись к "Словарию иностранных слов" (М., 1988), то в нем, так же графически не разграниченными, будут даны: "холм близ Иерусалима" и за звездочкой (указывающей на переносное значение слова) — *"место мучений, страданий". Орфографический словарь русского языка (всех изданий, начиная с первого — 1956 г.) — со строчной. Орфоэпический — так же. Специальный словарь "Прописная или строчная?" (М., 1984): «*Голгофа* (холм в окрестностях Иерусалима); но: "идти на голгофу" (в знач. "идти на мученичество")».

На первый взгляд, вырисовывается картина написания достаточно определенная: название холма пишется с прописной, слово в переносном значении (если использовать определение Словаря иностранных слов) — со строчной.

Однако не вполне проясненным оказывается лингвистическое основание для написания слова со строчной. Что такое переносное значение слова, что можно считать переносным значением? В "Правилах" 1956 г. использовался другой критерий. Так, в Примечании 3 § 95 говорится: "Индивидуальные названия людей, превратившиеся из имен собственных в имена нарицательные, пишутся со строчной буквы, например: *ловелас*, *донжуан*, *меценат*, *ментор*. Но если такие названия лишь употребляются в нарицательном смысле, но не превратились в имена нарицательные, то они пишутся с прописной буквы, например:

Может собственных *Платонов* и быстрых разумом *Ньютонов* Российская земля рождать (Ломоносов); Не каждый день рождаются *Гоголи* и *Щедрины*".

Если попытаться применить текст этого примечания к слову *Голгофа*, то в нем едва ли будут обнаружены новые "нарицательные" смыслы или очень зыбкое (для того, чтобы быть использованным в орфографии) определение "переносное значение" (Словарь иностранных слов, М., 1988: "Звездочка * указывает на переносное значение слова", с. 4).

Первое издание Орфографического словаря русского языка 1956 г., вышедшего под ред. С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро (которые принимали активное участие и в работе над Правилами 1956 г.), позволяет обнаружить колебания лингвистов (и лексикографов) в рассматриваемых случаях. Как уже говорилось, *голгофа* включена в словарь со строчной, а несколькими словами ниже следует *голиаф*, -а (г строчное — в перен. значении); *Голиаф*, -а (Г прописное — собственное имя). Подобная подача слов заслуживает специального комментария. Во-первых, в первом издании Орфографического словаря была предпринята сознательная акция сломать лексикографическую традицию и включить имя собственное, написанное с прописной, в основной словник. О том, что С.И. Ожегов и А.Б. Шапиро понимали, что они ломали традицию, свидетельствует двойное — графическое и словесное — подчеркивание строчной и прописной при введении разных значений слова *Голиаф*. Во-вторых, редакторы явно отдавали предпочтение привычному "нарицательному" ряду слов: первым было дано производное от собственного значения слова *голиаф*, вторым — этимон *Голиаф*, хотя логичным был бы обратный порядок — вначале то, что определяет, за ним — производное значение. Именно такая последовательность дается в "Орфографическом словаре для учащихся средней школы" Д.Н. Ушакова и С.Е. Крюčkова (23-е изд. М., 1968): *Геркулес* (греческий герой), *геркулес* (переносно: силач). В-третьих, С.И. Ожегов и А.Б. Шапиро, будучи и авторами Правил, в словаре использовали не "нарицательное", а "переносное" значение.

В первом издании Орфографического словаря давалось также: *Рубикон*, -а (Р прописное) и *Христá радí* (Х прописное).

Итак, слово *голгофа* в Орфографическом словаре давалось со строчной, в то время как *Голиаф* имел двойное написание, а *Рубикон* — только с прописной. С лингвистической точки зрения слова *Голгофа* и *Рубикон* близки. И то, что они по-разному приводились в одном издании Орфографического словаря, свидетельствует о неясности данной орфографической проблемы (написания строчной или прописной). Показательно, что в последнем переиздании (23-е) Словаря С.И. Ожегова 1990 г. (этого слова не было в предыдущем издании словаря 1986 г.) оно дается следующим образом: "*голгофа*, -ы, ж. (Г. прописное) (книжн.). Место мучений, страданий по названию холма близ Иерусалима, где, по христианскому вероучению, был распят Иисус Христос. Взойти на *Голгофу* (принять страдания, муки)". Совершенно очевидно, что вопреки существующей лексикографической норме в отношении этого слова Н.Ю. Шведова дает его только с прописной. И это решение можно лишь приветствовать: оно вполне совпадает с интуицией образованного человека, пишущего, в частности, *Кануть в Лету* (перен.) (Словарь иностранных слов. М., 1988) всегда с прописной. (Попутно следует отметить, что слово *Рубикон* в последнее издание Словаря С.И. Ожегова не включено, хотя оно едва ли менее употребительно, чем *Голгофа*.)

Создается впечатление, что и в словарях, и в энциклопедиях, использующих единообразный графический способ подачи включенных слов, как бы специально охраняется тайна написания слов со строчной или прописной буквы. (Не помогает раскрытию этой тайны и специальный словарь "Прописная или строчная?"). Разумеется, единообразное графическое оформление слов в энциклопедиях, включающих попеременно апеллятивы и ономастическую лексику, чрезвычайно

облегчает работу энциклопедических редакторов и корректоров, но оно же оставляет всех пишущих один на один с решением задачи со многими неизвестными.

Выход из создавшегося положения достаточно очевиден: необходимо наконец отказаться от единообразного графического оформления слов и в словарях и в энциклопедиях. Безусловно, первым это следует сделать Орфографическому словарю, святой обязанностью которого является давать разностороннюю орфографическую информацию о словах русского языка, не подвергая дискриминации ономастическую лексику. Этого требует культурная ситуация в языке и обществе.

*

"Здесь есть о чем поразмышлять, — пишет В.Ф. Иванова — лингвист, всю жизнь занимающийся орфографией. — Однако в прописных буквах, действительно, иногда отражаются, причем стихийно, какие-то оценки, связанные с умонастроениями и даже с идеологией" [13]. "Даже с идеологией" — мягко сказано. Значительная часть параграфов раздела "Прописные буквы" "Правил русской орфографии и пунктуации" 1956 г. построена на откровенно идеологическом принципе, — о чем писалось выше. С течением времени идеологический диктат для лингвистов стал чем-то привычным, уже не вполне отчетливо осознаваемым. И в таком — неосознанном — виде он присутствует в рекомендациях словарей, орфографических пособий. И поскольку с годами он (диктат) из области ясного сознания переместился в область полусознательного или даже бессознательного, той самой привычки, которая "свыше нам дана", — от него весьма трудно освободиться.

В орфографической истории можно производить раскопки и, как в археологии, находить о многом говорящие черепки. Уже приводились некоторые примеры, свидетельствующие, что ономастика "открытым текстом" была включена в первое издание Орфографического словаря русского языка 1956 г. Эти немногие примеры, действительно, весьма красноречивы: так, *Геркулес* и *Голиаф* даны в двух написаниях, со строчной и прописной, с приводимыми в скобках объяснениями разницы в написании; приведенная несколькими словами выше *Голиафа* *Голгофа* — в одном, со строчной, без каких-либо пояснений; аналогичное *Голгофе* слово *Рубикон* — только с прописной, с приведенным в скобках пояснением, что *Р* в слове следует писать прописное (хотя *Р* прописное дано в тексте Словаря). Из четырех слов — *Геркулес*, *Голиаф*, *Голгофа*, *Рубикон* — одно слово (*Голгофа*) может быть отнесено к религиозной лексике; именно оно дается в Словаре со строчной. Выше отмечалось, что в первое издание Орфографического словаря было включено самостоятельной словарной статьей выражение *Христá ради* с пояснением в скобках *Х* прописное (аналогично тому, как это сделано по отношению к слову *Рубикон*). Включение этого выражения в Орфографический словарь лингвистически и орфографически было

⁵ Интересно, что именно место идеологический диктат в отношении религиозной лексики очевиден для многих, но не для лингвистов: "С чего начинается *родина*? — спрашивает Александр Кабаков и сам же отвечает. — В те времена, когда она писалась непременно с большой буквы, а *Бог* — с маленькой, все начиналось с идеи" (Московские новости, 1991, № 38). Столь же очевиден и идеологический характер всей культуры послеоктябрьского периода. «Но дело в том, что в нашей стране слишком долго говорили одно, а подразумевали совсем другое. Говорили "культура", а подразумевали "идеология", — пишет К. Кедров [14].

К размышлениям в области "орфография и идеология" стоит напомнить, что, например, отчество В.И. Ленина писалось (в твор. пад.) иначе, чем отчества всех прочих Ильичей (см. [15]).

Академик Ст. Шаталин, анализируя свою жизнь, нашу жизнь и экономику, приходит к некоторым общим заключениям: "Аграрный строй создан в форме неэффективной. Это идеологизированная структура, придуманная аппаратом в крестьянской стране для решения своих политико-идеологических задач" [16]. И если сельское хозяйство является идеологизированной структурой, то что говорить о культуре, об орфографии.

вполне оправданно: непосредственно за ним следовали слова *христарадник*, *христарадничать*. Показательно, что при первом же переиздании Орфографического словаря (5-е, 1963) это выражение потеряло прописную и, соответственно, пояснение в скобках, а при следующем переиздании (13-е, 1974) было из словаря изъято (но оставлены *христарадник*, *христарадничать*). Таким образом, лингвистическая и орфографическая мотивации включения этого выражения в Словарь были принесены в жертву — чему, кому?

В плане анализируемой темы весьма показательными оказываются рекомендации словаря Д.Э. Розенталя "Прописная или строчная?". В основном словник этого словаря оказались включенными *Геркулес*, *Голиаф* в двух написаниях (как и в Орфографическом словаре 1956 г.). *Голгофа*, в отличие от Орфографического словаря (1-го издания), дана также в двух написаниях: *Голгофа* (холм в окрестностях Иерусалима); но: "*идти на голгофу*" (в знач. "идти на мученичество"). Слово *Рубикон* — отсутствует, равно как и *Лета*, с ее возможностью использования в разных контекстах, близких к тем, что приведены в Словаре при слове *Голгофа*. Ни *Христа*, ни *Иисуса* в основном словнике нет, равно как и прилагательных от них. В Приложении к Словарю под п. 14 приводятся "Названия, связанные с религией". Этот раздел содержит:

"1. Названия церковных праздников, религиозных постов пишутся со строчной буквы, например: *рождество*, *пасха*, *масленица*, *святки*, *ильин день*, *николин день*, *петров день*, *троицын день*, *великий пост*, *страстная неделя*.

2. Названия культовых книг пишутся с прописной буквы, если книга не имеет других названий, например: *Библия*, *Евангелие*, *Коран*, *Часослов* (но: *по библии*, *по евангелию*, *по корану*)" (с. 323). Приведенным текстом исчерпывается по Словарю список названий, связанных с религией.

Открыто дискриминационный характер написания данных названий со строчной очевиден, кроме того, он противоречит п. 3 "Имена прилагательные и наречия, образованные от индивидуальных названий" этого же Словаря:

"1. Имена прилагательные, обозначающие индивидуальную принадлежность, пишутся с прописной буквы, если они образованы от собственных имен лиц, кличек животных, названий мифологических существ при помощи суффикса *-ов-* (*-ев-*) или *-ин-*, например: *Марксов "Капитал"*, *Гегелева "Логика"*, *Ван-Дейкова мадонна*, *Зевсов гнев*, *Одиссеевы странствия*; *Надина кукла*, *Муркины коты*.

Но подобные прилагательные пишутся со строчной буквы во фразеологических оборотах и научных терминах, например: *ариаднина нить*, *ахиллесова пята*, *геркулесовы столбы*, *прокрустово ложе*, *эзопов язык*; *архимедов рычаг*, *базедова болезнь*, *рентгеновы лучи*" (с. 309). Этот пункт, достаточно спорный сам по себе, приведен лишь для того, чтобы подчеркнуть, что слова, включенные в "Названия, связанные с религией", противоречат рекомендациям п. 3.

Если же отвлечься от действующих орфографических правил (т.е. продолжающих считаться действующими), рекомендаций орфографических пособий, всех современных словарей и обратиться к современной практике печати — практике реального письма, то с некоторым изумлением в ней можно увидеть достаточно редкую последовательность в несоблюдении всех вышеозначенных правил и рекомендаций. Современная практика печати, как это ни странно, при написании религиозной лексики руководствуется, скорее, "Русским правописанием" Я.К. Грота:

"С большой буквы пишутся:

4. Имена трех лиц Божества и высших существ, составляющих предмет религиозного почитания христиан: *Бог*, *Господь*, *Творец*, *Всевышний*, *Спаситель*, *Богородица*, *Святой Дух*, *Св. Троица* и т.п., также слова: *Провидение*, *Промысел*...

5. Титла царствующего в России Дома: *Государь Император*, *Наследник Цесаревич*...

9. Некоторые названия праздников, недель и дней, имеющих особенное перковное значение: *Рождество Христово, Благовещение, Великий пост, Страстная, Великий четверг...*

Но имена месяцев и дней недели, а также народные названия праздников и разных эпох года пишутся с малой буквы: *святки, масленица, мясоед, семик...*

12. Прилагательные притяжательные, образованные от личных имен посредством окончаний *ов* и *ин*: *Петрово время, Гомерова эпопея, Екатеринин век*" (с. 88, 90, 91).

Таким образом, дооктябрьская традиция написания религиозной лексики вернулась на круги своя. Вся же современная нормативная литература (включая и словари) оказалась действующей в духе прежних идеологизированных правил. Но, похоже, "этого никто не замечал".

Разумеется, в естественной жизни письменного слова в практике печати остаются конкретные вопросы, непоясненные зоны. Однако из имеющегося у нас горького опыта разрыва с естественной письменной традицией и возвращения к ней можно сделать некоторое наблюдение. После Октября дискриминационный диктат в отношении религиозной лексики действовал в одном направлении — в направлении от прописной к строчной: *Бог — бог, Богоматерь — богоматерь; Рождество — рождество, Пасха — пасха, Господь, Господи! — господь, господи!, Христос, Христов, Христово, Христова — христос, христово, христова* и т.д. В современной практике печати явно заметна обратная тенденция: в спорных случаях при написании религиозной лексики отдается предпочтение прописной (например, у Грота — *патриарх*, в современной печати — *Патриарх* и т.д.). Из этого наблюдения можно сделать лингвистический вывод более общего характера. В отношении ономастики при выборе написания с прописной или строчной действует принцип "презумпция имени собственного", т.е. предпочтение отдается прописной букве. Существенно, что этот принцип совпадает с интуицией пишущих, а не противоречит ей.

Между тем число таких явно противоречащих интуиции пишущих примеров в современных словарях нарастает. В Орфоэпическом словаре дается: "*лазарь: лазаря петь*". *Лазарь* (со строчной) включен в последнее издание Словаря С.И. Ожегова: "*лазарь: 1) наобум лазаря (прост. неодобр.) — то же, что наобум; 2) лазаря петь (прост. неодобр.) — плакаться, жаловаться...*" Но личное имя *Лазарь* остается в этих выражениях в своем первоначальном виде, т.е. реальным личным именем. В Словаре Д.Н. Ушакова это же выражение дается с прописной без какого-либо сведения имени к нарицательному: "*Лазаря петь. См. петь*". "*Лазаря петь (неодобр.) — жаловаться на судьбу, плакаться, прикидываться несчастным [имя из евангельской притчи о нищем Лазаре]. Со мной Лазаря петь нечего, меня не проведешь. Тургенев*". С прописной дается имя в этом выражении и в Словаре В.И. Даля: "*Петь (напевать) Лазаря (т.е. спрашивать)*".

*

В настоящее время создалась уникальная ситуация в области реализации письменного языка. Все нормативные издания, включая действующие орфографические правила, лингвистические словари разных жанров, в том числе и Орфографический словарь, все энциклопедии ориентированы на орфографические принципы, сложившиеся и воспринятые лингвистами и обществом в послеоктябрьскую эпоху.

Современная практика печати (газеты, журналы, книги) при написании весьма обширной (как стало вдруг очевидным) группы религиозной лексики вернулась в отношении нее к орфографическим нормам дооктябрьского времени — к гротовской орфографии. Выход из сложившейся конфликтной орфографической ситуации достаточно очевиден.

1. Необходимо изменить рекомендации раздела "Правил русской орфографии и пунктуации" 1956 г. "Прописные буквы", там, где они касаются написания религиозной лексики: вернуться к гродовским рекомендациям. Естественно складывавшиеся нормы письма относительно этой особой лексики наглядно продемонстрировали свою жизнестойкость: они возвратились на страницы современной печати так свободно и естественно, как будто не было по крайней мере двух поколений, выросших в условиях идеологических орфографических шор.

2. В лингвистических словарях необходимо изменить графический способ подачи слов — ввести прописную букву: писать слово в словаре с той буквы, с какой оно пишется в тексте. Абсолютное большинство слов религиозной лексики в словарях представлено, но трактуются они как нарицательные и пишутся со строчной.

3. То же самое следует сделать и в современных энциклопедиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шрейдер Ю. Синдром ослабления. Новый мир. 1991. № 11. С. 232.
2. Дневник Б.М. Эйхенбаума. Запись 1924 г. // Столица. 1991. № 50 (56). С. 36.
3. Толстая А. Дочь. М., 1992. С. 383—384.
4. Клемперер В. Непокоренный язык (из записной книжки филолога) // Вестник АН СССР. 1991. № 12.
5. Гачаюнов И., Гамаюнова Н. Не сотвори себе кумира // Лит. газ. 1992. 29 янв.
6. Огонек. 1990. № 46. С. 4.
7. Карякин Ю. Закружились бесы разны... // Лит. газ. 1992. 11 марта. С. 3.
8. Словный словарь современной русской лексики: В 2-х т. М., 1991.
9. Московские новости. 1991. № 42. С. 3.
10. Похмелкин А., Похмелкин В. Блеск и нищета идеологии // Нева. 1991. № 10. С. 138.
11. Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 509.
12. Московские новости. 1992. № 12. С. 11.
13. Иватува В.Ф. Актуальные проблемы русской орфографии // РЯШ. 1991. № 1. С. 76.
14. Кедров К. Книжный беспредел // Известия. 1992. 23 марта.
15. Букчина Б.З. Об одном негласном орфографическом исключении // Язык: система и подсистема. М., 1990. С. 75—76.
16. Шаталин Ст. "500 дней" и другие дни моей жизни // Независимая газ. 1992. 31 марта.